

ПЕПЕЛ КОРРЕКЦИИ

Мария Коваленко

Пепел Коррекции

<https://litres.ru/74163494>

SelfPub; 2026

Аннотация

Время – самый дорогой товар. А чужие слёзы – самая прибыльная валюта.

2050 год. Мир, который научился продавать прошлое. Корпорация «Коррекция Инвест» отправляет эмиссаров в прошлое, чтобы те изменяли судьбы людей за деньги. Они не убивают. Они просто делают так, чтобы важные встречи не состоялись, чтобы любовь не случилась, чтобы надежда угасла. А чужие слёзы превращаются в прибыль для богачей из будущего.

Майкл Корд – лучший эмиссар. Сорок семь коррекций, сорок семь уничтоженных судеб, сорок семь жизней, которые он стёр, даже не зная их имён. Он не чувствует боли, потому что давно научился её не чувствовать. Он не помнит себя, потому что стёр себя вместе с другими. Он – идеальный инструмент. Безупречная машина для убийства чужих надежд.

Но однажды он получает контракт, меняющий всё, потому что заказчик – это он сам из 2080 года...

Мария Коваленко Пепел Коррекции

Глава 1

Глава 1. Чужие слёзы как прибыль

Город 2050 года не пахнет железом и выхлопами, как в старых голографических фильмах, которые крутят по ночному каналу «Ретро-Нуар». Он пахнет озоном и чужими сожалениями. Небо над Манхэттеном переливалось мутным перламутром – барьерные купола фильтровали ультрафиолет, но пропускали серость, которая оседала на плечах как неви-

димая пыль. Стеклянная башня «Коррекции Инвест» торчала из этого полумрака, как игла, воткнутая в шею спящего гиганта. Сорок восьмой этаж. Кабинет Майкла Корда.

Здесь не было привычных мониторов. Вместо них – голографические ленты, которые вились вокруг кресел, как змеи, выдрессированные не жалить, а убеждать. На каждой ленте пульсировали цифры: цена эмоций, котировки сожалений, индекс неслучившейся любви. Брокеры «Коррекции» не торговали нефтью или акциями. Они торговали моментами, которых никогда не было. Стоимость одной разбитой надежды колебалась от трёх до семи тысяч хроно-кредитов в зависимости от глубины чувств жертвы. Майкл знал эти расценки наизусть.

Он сидел в кресле-коконе, обложенный гелевыми подушками, которые считывали его нейроритмы и подстраивались под настроение. Сейчас они были холодными – он выходил из рейса. Воздух в кабинете пах стерильным спиртом и чем-то сладковатым, чем-то, что невозможно описать словами, но легко узнать: это запах чужого будущего, которое только что украли.

– Восстановление через три, две, одна, – проговорил синтезатор женским голосом, который Майкл ненавидел за чрезмерную нежность. – Контакт с реальностью установлен. Отсчёт соматических эффектов: ноль целых семь десятых.

Он открыл глаза.

Потолок кабинета был жидким – миллиарды светодиод-

ных точек имитировали звёздное небо. Но Майкл знал, что это ложь. Настоящих звёзд не видели уже двадцать лет, с тех пор как запустили орбитальные отражатели для борьбы с потеплением. Они отражали солнечный свет обратно в космос, но вместе с теплом отражали и мечты. Теперь люди смотрели только вниз – на свои смартфоны, на свои хроно-импланты, на свои балансы. Он моргнул, и искусственные созвездия погасли, заменившись ровным белым светом. Безликим. Безопасным. Бездушным.

– Время, – хрипло сказал он.

– 14:02. Длительность коррекции: сорок семь секунд реального времени. Эффективность: девяносто восемь процентов.

Майкл не улыбнулся. Высокий процент ничего не значил. Важно было то, что он притащил с собой обратно – чужую тоску, которая осела в груди как свинцовый осадок. Он знал этот вкус: горечь одиночества, смешанная с утренним кофе, который сварили, но так и не выпили. Её звали Клэр. Он даже не запомнил её лица – только ощущение, как она входит в кафе «Красный зонт» в Сан-Франциско 2030 года, с надеждой, что сегодня она встретит кого-то важного. Её пальцы сжимали ремешок сумки, на губах играла робкая улыбка, а в глазах – тот самый свет, который бывает у людей перед судьбоносной встречей. Она купила круассан и уже протянула руку к дверной ручке.

И он, Майкл Корд, профессиональный эмиссар из буду-

щего, позвонил на её мобильный в этот самый момент. Простой звонок с работы. Сказали, что срочно нужно вернуться – начальник, аврал, клиент ждёт. Клэр развернулась у входа и ушла. Её шаги эхом отдались в мокром асфальте, и она даже не оглянулась. А молодой человек, который ждал её внутри – будущий миллиардер Стивен Харрис, пока ещё никому не известный стартапщик с растрёпанными волосами и дыркой на джинсах – прождал полчаса, допил свой латте, оставил чаевые и ушёл в другой конец города. Они никогда не встретились. Брак не состоялся. Детей не родилось. Развода не было. А значит, через двадцать лет Харрис не потеряет половину своей империи на судебных издержках, не будет спать под мостом и не пустит себе пулю в висок.

Заказ выполнен. Клиент доволен. Счёт пополнен на восемь тысяч хроно-кредитов – двойная ставка за срочность. Майкл знал, что эти деньги уже переведены на его счёт. Но он не чувствовал облегчения.

Майкл поставил ноги на пол, и кресло-кокон бесшумно развернулся к нему спинкой. В углу комнаты зажурчал диспенсер – синтетический кофе с добавкой нейростабилизаторов. Он сделал глоток. Вкус был правильным, идеально сбалансированным – как всё в этом здании. Но в горле всё равно стоял ком. Как будто он проглотил чужую слезу и она застряла. Он закашлялся, поставил чашку на стол и увидел, что его пальцы слегка дрожат. Это был не нервоз. Это был «эмоциональный хвост» – побочный эффект, который слу-

чался с эмиссарами, если они слишком близко к сердцу принимали коррекцию. Техника безопасности требовала отключить эмоциональные якоря перед рейсом. Он не отключил. Он никогда не отключал. И каждый раз платил за это ценой, которую нельзя было измерить в хроно-кредитах.

Он ненавидел Клэр. Вернее, он ненавидел то, что сделал с ней. Отнял встречу, которая могла стать смыслом её жизни. Может быть, они бы поженились. Может быть, она бы родила ему детей. Может быть, он бы не стал миллиардером, но был бы счастлив. А может быть, они бы развелись через три года, и она бы покончила с собой. Майкл не знал. Никто не знал. И в этом была главная гниль «Коррекции Инвест»: они не предсказывали будущее. Они просто ставили на более выгодный вариант. И называли это бизнесом.

Но это была работа. Деньги. Стабилизатор времени, без которого его тело начало бы стареть на три года за сутки. Каждый эмиссар носил в вене на запястье маленькую капсулу с хроно-коктейлем – если не обновлять её раз в месяц, клетки начинали ускоряться, кожа морщилась, кости становились хрупкими. Без «Коррекции» он был бы мёртв через полгода. Выбора не было. Или он думал, что выбора не было.

Дверь кабинета открылась без стука. На пороге стоял Алекс – его друг, аналитик «Коррекции», единственный человек, который позволял себе входить без приглашения. Алекс был крупным, с вечной щетиной, глубоко посаженными глазами и въедливым взглядом человека, который пыта-

ется понять, что происходит, но боится узнать правду. На нём была мятая футболка с логотипом старой группы, которую никто уже не слушал, и штаны с пятном от кофе, которое Алекс принципиально не выводил – как протест против стерильности корпоративной жизни. Он стоял, прислонившись плечом к дверному косяку, и смотрел на Майкла с той смесью беспокойства и раздражения, которая была их общей валютой уже десять лет.

– Ты зеленый, – сказал Алекс, закрывая дверь. – Прямо как тот раз, когда ты отменил знакомство Гаррисона с женой. Только хуже. Прямо как после того кейса в Берлине, когда ты заставил девушку уйти из ресторана за две минуты до того, как она должна была встретить отца, которого никогда не видела.

– Стивен Харрис, – поправил Майкл. – А не Гаррисон. И это была не жена. Просто девушка.

– Которая могла стать матерью его детей. Но теперь не станет. – Алекс пересёк кабинет и тяжело опустился в соседнее кресло, которое скрипнуло под его весом. – Ты даже не знаешь, что с ней будет теперь. Может, она встретит кого-то хуже. Может, её убьют через год. Может, она влюбится в алкоголика и разобьёт себе жизнь. Ты ведь не знаешь, да? Ты просто сделал свой звонок и ушёл, как курьер.

Майкл медленно опустил чашку. По стеклянной поверхности стола разбегалась рябь от микро-вибраций – здание дышало, как живой организм. Он посмотрел на Алекса и

впервые за долгое время почувствовал не раздражение, а усталость. Не физическую, а ту, что скапливается в душе, когда слишком долго носишь чужие жизни на своих плечах.

– Ты знаешь правила, Алекс, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Мы не обсуждаем этические последствия. Мы обсуждаем контракты. Так работает система. Ты думаешь, мне нравится? Ты думаешь, я просыпаюсь по утрам и говорю: «Как здорово, сегодня я украду чью-то любовь»? Нет. Я просыпаюсь и считаю дни до того момента, когда смогу выйти из этой игры. Но я не могу выйти, потому что без Стабилизатора я превращусь в старика за месяц. У меня нет выбора.

– Выбор всегда есть, – тихо сказал Алекс. – Ты просто не хочешь его видеть. – Он наклонился вперёд, положив локти на колени, и его голос стал глубже, почти заговорщицким. – Мы продаём слёзы, Майкл. Мы – хроно-проститутки. Самое высокооплачиваемое дерьмо на планете. Сегодня цена печали выросла на семь процентов. Знаешь, почему? Потому что какой-то дегенерат в 2060-м решил, что ему мало радости в жизни, и купил пакет чужих сожалений. Твоих чужих сожалений, Майкл. Клэр будет плакать сегодня вечером, и её слёзы превратятся в прибыль для какого-то жирного ублюдка из будущего, которому скучно в его хрустальном дворце. Он ляжет в кровать, вставит в висок хроно-коннектор и проживёт её горе как сериал. А ты – ты будешь тем, кто создал этот сериал.

Майкл встал. Он был выше Алекса, но сейчас чувствовал себя ниже ростом, ниже по статусу, ниже по совести. Он подошёл к окну – огромной панорамной панели, которая сейчас транслировала вид на город, но с фильтром «закат». Багрово-золотое небо, которого не было в реальности. Под ним простирался Манхэттен 2050 года: небоскрёбы с вертикальными садами, воздушные коридоры для дронов, светящиеся вывески, которые рекламировали новые эмоциональные коктейли. Город светился, переливался, дышал искусственной жизнью. Но Майкл знал, что под этой обёрткой – пустота. Люди разучились чувствовать по-настоящему. Они покупали чувства в магазинах. И он, Майкл Корд, был одним из главных поставщиков.

– Ты хочешь, чтобы я бросил работу? – тихо спросил он, не оборачиваясь. – Чтобы я сдох через две недели от ускоренного старения? Или чтобы у меня отняли лицензию и отправили в чистку памяти, как того парня из пятого сектора, который начал видеть лица своих жертв в зеркале?

– Я хочу, чтобы ты задумался, – Алекс подошёл ближе. Голос его стал глуше, почти шёпотом. Он встал рядом с Майклом, так что их отражения встретились в стекле – два человека, которые работают на машину, перемалывающую человеческие судьбы. – Ты сегодня сделал женщину одинокой навсегда. Ты знаешь, что она будет искать того парня всю жизнь? Она даже не запомнит его имени, но будет чувствовать пустоту. Как будто потеряла что-то важное, но не может

вспомнить, что именно. Она будет просыпаться по ночам с мыслью, что должна была быть на месте, где что-то случилось. Но она не была. Это называется «эмоциональный рубец». Мы называем это «продуктом». Ты ставишь эти рубцы людям за деньги. И я не могу смотреть на это спокойно, потому что ты – мой друг, а не бездушный робот. Ты был другим, Майкл. До того, как начал эту работу.

Майкл молчал. Где-то внутри него, под слоем профессионального цинизма и десятилетней привычки не чувствовать, Алекс был прав. И это было хуже всего. Потому что, если Алекс прав, значит, он не просто делает грязную работу. Значит, он – часть системы, которая медленно убивает человечество. И он не может остановиться. Или не хочет.

На столе зажужжал коммуникатор. Голос начальницы, Вирджинии, сухой и деловой, с лёгким европейским акцентом, который она приобрела после двадцати лет работы в швейцарском офисе:

– Майкл, у тебя новый контракт. Час назад поступил. Приоритет – максимальный. Я переслала данные на твой имплант. Прочитай прямо сейчас.

Майкл моргнул, активируя нейро-интерфейс. Перед глазами поплыли строки – голубые, светящиеся, неумолимые.

«Клиент: Майкл Корд, 2080 г. Тип коррекции: отношенческая петля. Задача: предотвратить знакомство с женщиной по имени Нора... или обеспечить его. Решение принимает эмиссар на месте. Оплата: двойная. Срок исполнения: 8:14

утра, завтра. Отклонение не допускается. Категория риска: Альфа-парадокс. Эмиссар предупреждён о возможной дезинтеграции».

Майкл замер. Строки дрожали перед глазами, но он не мог отвести взгляда. Собственное имя. Собственное будущее. Женщина по имени Нора. Он никогда не слышал это имя. Или слышал, но забыл. Сорок семь коррекций, сорок семь стираний памяти – после такого не удивительно, что он не помнит собственную жизнь. Он даже не был уверен, что ему тридцать два. Может быть, ему пятьдесят. Может, ему сто. Может, он вообще не человек, а просто набор имплантов и воспоминаний, которые ему скормили.

– Алекс, – сказал он, не оборачиваясь. – Ты должен это увидеть.

Алекс подошёл, заглянул через плечо и прочитал контракт. Его лицо изменилось. Сначала оно стало бледным, потом красным, потом снова бледным.

– Ты шутишь? – выдохнул он.

– Нет.

– Ты хочешь отправиться в прошлое, чтобы... чтобы что? Чтобы встретить себя молодого и отбить у себя девушку? Или помочь себе её найти? Чёрт, Майкл, это же безумие. Это парадокс с одной ногой в могиле. Категория риска «Альфа-парадокс» – это значит, что если ты ошибёшься, ты можешь исчезнуть из реальности. Не умереть, а просто... никогда не родиться. Понимаешь? Ты можешь стереть себя из

времени. Ты станешь тем, кого никогда не было. Даже я тебя не вспомню. Ты – пустота.

– Я знаю, – сказал Майкл. И удивился тому, как спокойно это прозвучало. – Но это просто работа, Алекс. Тысячи таких заказов проходят через систему каждый месяц. Разница только в том, что клиент – я сам, из будущего. Очевидно, через тридцать лет я что-то напутал с этой Норой. Хочу исправить.

– Исправить что? – Алекс почти кричал, но сдерживался – голос дрожал от сдерживаемого гнева. – Ты даже не знаешь, хочешь её найти или потерять! Читай внимательно: «решать эмиссару на месте». Это значит, что ты 2080-го года не помнишь, что тебе нужно. Ты стёр себе память коррекциями, Майкл. Ты – профессиональный самоубийца собственной жизни. Ты даже не знаешь, любил ли ты эту Нору или ненавидел. Ты пойдёшь туда слепым, как кукла, как инструмент, как всегда.

Майкл медленно повернулся к нему. В глазах его горел холодный, спокойный огонь. Он принял решение, даже если оно смертельное.

– Алекс, – сказал он. – Ты помнишь, что я был не всегда таким? Ты помнишь, каким я был до того, как начал эту работу? Весёлым? Живым? Ты говорил, что я умел любить, что я умел смеяться, что я умел плакать. – Он сделал паузу, и его голос дрогнул. – Я не помню этого, Алекс. Я не помню, как смеяться. Я не помню, как плакать. Я умею только чувство-

вать чужую боль и выдавать её за деньги. И если есть шанс узнать, кого я мог бы любить – пусть даже через собственный парадокс – я его не упущу.

Алекс посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом, потом вздохнул, сел в кресло и устало потёр лицо ладонями.

– Ты идиот, – сказал он тихо. – Ты всегда был идиотом, но я тебя люблю, поэтому помогу. – Он достал свой имплант, моргнул, передавая данные на стену. На стеклянной панели появилась фотография. Девушка с рыжими волосами, которые вились на ветру, и глазами цвета мокрого гравия. Она смеялась, прикрывая рот рукой, будто стеснялась собственной улыбки. На фоне – Эйфелева башня, ещё старая, без хроно-защитного купола. 2026 год. Париж. Кафе «Флора».

Майкл смотрел на неё и у него перехватило дыхание.

Его тело, которое привыкло к чужим эмоциям и отключало собственные как опасные помехи, вдруг вскипело. Это было физическое ощущение – как будто его грудную клетку разрывало изнутри. Он не знал эту девушку. Он никогда её не видел. Но что-то внутри него, на уровне клеток, знало её. Что-то древнее, что он похоронил под слоями коррекций. Сердце билось так, что он слышал его в ушах.

– Где она? – спросил он шёпотом. Голос его сорвался, как у мальчишки.

– Париж, 2026 год. Кафе «Флора». Завтра, 8:14 утра. Она будет читать книгу у окна. Или не будет. Зависит от того, что ты решишь сделать. – Алекс отключил проекцию и посмотрел

рел на друга. В глазах его была тоска. – Она красивая, Майкл. Я пробежал по базам: она работала иллюстратором, рисовала книги. Ничего особенного, не миллиардерша, не преступница. Обычный человек. Но, судя по плотности контракта, она для тебя – не просто обычный человек. Она – якорь. Ты держался за неё в будущем. А потом потерял.

Майкл смотрел на пустое место, где только что была её улыбка, и думал: «Почему я никогда не видел тебя, но уже боюсь потерять?»

– Я не хочу, чтобы ты шёл, – сказал Алекс. – Но я знаю, что ты пойдёшь, поэтому слушай. Я взломаю логи системы на два часа – ты сможешь действовать без наблюдения. Но у тебя будет только одна попытка. Если ты ошибёшься, если ты создашь парадокс, который система не сможет исправить... ты исчезнешь. И я не смогу тебя спасти. Никто не сможет.

– Я знаю, – сказал Майкл.

– Ты даже не знаешь, как она выглядит вживую. Может, она тебе не понравится. Может, ты увидишь её и поймёшь, что она не стоит риска.

– Она стоит, – сказал Майкл. И он не знал, откуда это взялось. Но он знал, что это правда. – Я чувствую её, Алекс. Как будто я уже терял её и поклялся себе, что больше не повторю эту ошибку.

Алекс покачал головой, усмехнулся безрадостно и встал.

– Я сделаю, что смогу. Но если ты не вернёшься, я буду пить за тебя каждую пятницу. И проклинать твоё имя за то,

что ты оставил меня одного с этой работой.

Алекс вышел, оставив дверь открытой.

Майкл остался один. Он снова посмотрел на своё отражение в окне – человек в дорогом костюме, с идеальной укладкой, с лёгкой сединой на висках, с глазами, которые видели слишком много чужих жизней, чтобы помнить собственную. Он не знал себя. Он не знал, кто он без работы. Он не знал, умеет ли любить. Или он просто имитирует любовь, как имитирует чужие эмоции в каждой коррекции.

Часы на стене показывали 14:47. До вылета оставалось несколько часов. Несколько часов, чтобы подготовиться к встрече с женщиной, которая изменит его жизнь. Или уничтожит её. Разницы не было.

В углу комнаты снова зажурчал диспенсер, но Майкл не стал наливать ещё одну чашку. Он подошёл к столу, открыл ящик и достал потрёпанный бумажный блокнот – единственную вещь, которую он носил с собой до того, как стал эмиссаром. В нём были записи, которые он делал в первые годы работы: стихи, зарисовки и одно имя, написанное дрожащей рукой – «Нора». Он нашёл эту страницу случайно. Или не случайно. Он вообще не помнил, когда это написал. Но почерк был его – сломанный, неровный, тот, каким он писал до того, как научился быть идеальным.

Он провёл пальцем по буквам, чувствовал шероховатость бумаги и чувствовал, как в груди разгорается что-то, что он давно похоронил. Надежда или страх, или то и другое вме-

сте.

– Кто ты, чёрт возьми, такая, Нора? – прошептал он в пустоту кабинета. – И почему я готов умереть, чтобы тебя не потерять?

Ответа не было. Только гудение города за окном и ровный свет искусственного неба, который не давал ответов, а только подчёркивал тишину.

Но где-то в сорока семи других ветках реальности, в сорока семи вариантах его жизни, Майкл Корд уже предал Нору, отвернулся от неё, выбрал карьеру или страх, или просто глупость. Только этот, сорок восьмой – ещё нет. Только у него есть шанс не повторить ошибку или повторить её навсегда.

На столе зажужжал коммуникатор. Голос Вирджинии, снова – сухой, официальный, без тени сочувствия:

– Майкл, зайди в медицинский сектор до конца смены. Мы введём тебе предрейсовый стабилизатор памяти. Завтрашняя коррекция особенная. Ты должен вернуться чистым – без эмоциональных якорей, без привязанностей. Иначе ты можешь действовать непредсказуемо, а это недопустимо для контракта с категорией «Альфа-парадокс».

– Почему? – спросил он, хотя знал ответ.

– Потому что, – сказала она с паузой, – твой клиент из 2080-го – это ты сам. А ты не помнишь, что тебе нужно. Нам придётся стереть тебе все эмоциональные якоря, чтобы ты мог принимать решения без предвзятости. Это стандартная

процедура для коррекций с высоким риском. Ты сам утверждал её три года назад, если забыл.

Майкл замер. Стереть эмоциональные якоря. Это значило забыть всё, что он чувствовал к кому-либо. Значило превратиться в идеальный инструмент, превратиться в куклу, которая делает свою работу. Это значило забыть Клэр, которую он только что сделал одинокой, забыть Алекса, забыть, кто он такой, и, возможно, забыть Нору, которую он ещё не встретил.

– Нет, – сказал он.

– Что?

– Я сказал «нет», – повторил Майкл, и в голосе его впервые за десять лет работы не было профессиональной вежливости. Была сталь. – Я не пойду на чистку. Я пойду к Норе таким, какой есть. Если я забуду её до того, как её увижу, зачем вообще жить? Если я приду к ней роботом без чувств, что я ей скажу? «Здравствуйте, я из будущего, я должен решить, стоит ли нам быть вместе, но я не помню, люблю ли я вас»?

Вирджиния промолчала. Потом, тихо, почти с сочувствием, которого Майкл от неё никогда не слышал:

– Ты понимаешь, что ставки высоки? Если ты провалишь коррекцию, тебя самого не станет. Не в переносном смысле. В прямом. Ты исчезнешь из истории. Никто не будет помнить, что ты существовал. Даже твои родители, если они есть, даже Алекс – он будет сидеть в этом кабинете и не знать,

почему ему грустно. Ты готов к этому?

Майкл посмотрел на фотографию Норы, которая всё ещё висела на стене, на её улыбку, на её глаза.

– Пусть, – сказал он и выключил коммуникатор. – Пусть.

Он повернулся к Алексу, который всё ещё стоял в дверях, уже собравшись уходить, но задержавшись на его словах. Алекс смотрел на него с выражением, которое трудно было прочесть – смесь страха, уважения и горечи.

– Ты готов заплатить за это жизнью? – спросил он.

Майкл посмотрел на свои руки. Они дрожали. Впервые за долгие годы в них был страх, но в них же была жизнь, как ему показалось.

– Я уже плачу, – сказал он. – Каждый день, когда стираю чужие слёзы, я плачу. Завтра я заплачу за то, чтобы остаться собой, хотя бы на один день, хотя бы для одной женщины.

Алекс не ответил. Он просто подошёл, положил руку на плечо друга и сжал его – крепко, по-настоящему, как будто боялся, что больше никогда не увидит его живым. Потом он хлопнул друга по плечу, развернулся и вышел, оставив дверь открытой.

– Возвращайся, – сказал он уже из коридора. – Кем бы ты ни стал. Только возвращайся.

Майкл кивнул, хотя Алекс его уже не видел.

Он остался один в кабинете, который пах лёгким освежителем и чужими сожалениями, и смотрел на закат, которого не было. За окном башни «Коррекции Инвест» зажигались

искусственные огни. Город 2050-го готовился к ночи, но для Майкла ночь наступала уже сейчас – та, в которой он встретит Нору или потеряет её навсегда. Разницы не было.

Он встал, надел пиджак и вышел из кабинета. В коридоре на стене горел слоган компании, выписанный золотыми буквами: «**Мы не меняем прошлое. Мы делаем его лучше**».

Майкл сплунул в сторону экрана и пошёл к лифту. Завтра он полюбит ту, которую не должен знать или исчезнет навсегда.

Но сегодня, когда он зашёл в свою пустую квартиру на Сто первой улице, он понял одну вещь: он уже любит Нору. Из офиса он принёс домой распечатку той самой фотографии из Парижа 2026-го. Нора смеялась, прикрывая рот рукой. Он взял снимок, провёл пальцем по её лицу, по волосам, по тени от её ресниц. Он не знал, кто она. Но его сердце, которое он считал мёртвым, билось так, будто она уже была его и потеряна навсегда.

Он прошептал в тишину пустой квартиры:

– Завтра я приду к тебе, Нора. Я не знаю, что буду делать – спасти нашу встречу или разрушать её, но я приду. Потому что даже если я исчезну, я хочу, чтобы один человек на этой планете знал, что его любили. Даже если он не должен об этом знать.

Он положил фотографию на стол, выключил свет и лёг, глядя в потолок, который ничего не отражал.

А где-то за тысячи километров, в Париже 2026 года, ры-

жая девушка по имени Нора рисовала в своём блокноте и не знала, что через несколько часов её жизнь изменится навсегда или навсегда останется прежней.

